

Между Ливаном и Палестиной: путешествие по воспоминаниям¹

АНБАРА САЛАМ
ХАЛИДИ

СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ

Я выросла в доме, который мог служить образцом для консервативных семей нашего круга. В нем я чувствовала любовь, которая определяла отношения между родителями, хотя последнее слово при этом всегда оставалось за мужчиной. Их также отличала искренняя вера, следование религиозным предписаниям и принципам. Порой мы просыпались потому, что кто-то из родителей напевал аяты Корана. Это происходило до того, как отец уходил на работу, а мать принимала бремя повседневного попечения о большой семье. Она приступала к делам только после утренней молитвы, которую совершала еще до восхода. Мягкое эхо священных строк Корана отдавалось по всему дому, а за чтением следовали молитвы, в которых мать просила Аллаха простить и отпустить грехи, а также наставить на праведный путь. Благодаря этому – и последующим школьным урокам – я наизусть знаю многие аяты. Если в нужный час отец находился дома, то он сам собирал нас на молитву.

¹ Перевод выполнен по изданию: SALAM AL-KHALIDI A. *Jawla fi al-dhikrayyat bayna Lubnan wa-Filastin*. Beirut, 1978. Здесь и далее примечания переводчика.

АРХИВ «НЗ»

Анбара Салам Халиди (1897–1986) – ливанская феминистка, участница движения за права женщин в Ливане и арабском мире. Родилась в суннитской семье из Бейрута; в 1929 году вышла замуж за палестинского просветителя Ахмада Самеха аль-Халиди. Со вступления в брак до 1948 года жила с супругом в Иерусалиме. Из-за конфликта между арабами и евреями была вынуждена вернуться в Бейрут.

Отец мой был высок ростом, с русыми волосами и подстриженной бородой. Он всегда элегантно одевался и уверенно шел по жизни. Личностью он был сильной и почитаемой. Он занимал видное место в большой семье и пользовался уважением друзей из всех конфессий. Когда обсуждалось что-то происходящее в наших краях или в Османской империи в целом, его слово было очень весомым. Отец был одним из ведущих коммерсантов страны и играл важную роль в социальных и благотворительных организациях. Он являлся одним из первопроходцев арабской политики и в имперские времена занимал разные официальные должности. В частности, одно время отец возглавлял муниципалитет Бейрута и входил в состав административного совета одноименной провинции. Он также состоял членом торгового суда, в котором председательствовал турок, назначенный правительством [в Стамбуле]. Позже отец был избран жителями Бейрута в качестве депутата, представляющего их интересы в парламенте Османской империи. [...] В силу его политического положения у нас постоянно проходили какие-то встречи, переговоры или банкеты – настолько часто, что в доме имелась специальная гостиная для мужчин, всегда готовая к прибытию гостей, включая делегации из-за рубежа. [...]

Что касается матери, то она была родом из арабской семьи аль-Барбир, консервативной и известной [исламской] ученостью. Внешне у нее было много общего с другими представителями этого семейства. Она была невысокой, светлокожей, белокурой, голубоглазой и отличалась красивым голосом. Образцовая и деятельная мать, она жертвовала собственными интересами ради мужа и детей. Она вышла замуж в четырнадцать лет, причем супруг приходился ей родственником: ее бабушка по матери и бабушка моего отца были родными сестрами.

Когда я вспоминаю маму в те годы, ее образ сопрягается с постоянным движением. Она была верной женой и чуткой матерью, и я видела, что, даже став многодетной, она никогда не позволяла себе забыть о ком-то из нас при сборах в школу. Она сама выкармливала каждого своего ребенка: с первого, родившегося у нее в шестнадцать лет, и до последнего, появившегося на свет, когда ей уже исполнилось пятьдесят. Стоило кому-то из нас заболеть или пораниться, она бесстрашно бросалась на помощь, даже если неприятность была самой серьезной. Поскольку в те годы в Ливане нередким был тиф, среди ее детей не осталось ни одного, кто не переболел бы этой ужасной болезнью. Всякий раз мать ухаживала за больным бережно и самоотверженно – пока ребенок не выздоравливал. Ни одного из своих малышей она не потеряла из-за детских болезней.

Рассказав о своих родителях, я не могу не упомянуть и братьев. Взрослея, я наблюдала, как два моих старших брата ходили

в старшую школу при Американском университете². Хотя отца нередко критиковали за то, что он отправил сыновей в иностранную школу, он не изменял своему убеждению, согласно которому знания следует черпать из любого источника – найдись он хоть в Китае. Али, старший из моих братьев, отличался умом и прилежанием. Он тяготел к литературе и поэзии и даже читал стихи на выпускном вечере в колледже. В 1910 году отец послал его в Англию, где Али выучился на инженера сельского хозяйства. Думаю, среди наших земляков он стал одним из первых, кто получил образование в Европе. Али, впрочем, так и не применил свои знания на практике, хотя его постоянно одолевали теории, которые он не мог реализовать.

Мой второй брат Мухи ад-Дин скончался от плеврита в двадцатилетнем возрасте; это произошло из-за того, что в те годы – то есть до Первой мировой войны – не было пенициллина. Получив среднее образование, он усердно помогал отцу в коммерческих делах, поскольку не отличался тягой к учебе. Его кончина стала большой трагедией для семьи; впервые в жизни я увидела, как тень печали накрыла наш дом. Мое сердце болело по милому брату, к которому я была очень привязана, но я держала боль при себе, не говоря ни слова. Что касается родителей, то мать снесла этот удар со стойкостью и верой, а отец встретил его мужественно: трагедия не помешала ему принять приглашение на Парижский конгресс [арабских националистов] 1913 года – хотя к тому моменту со смерти его сына прошло не больше двух недель³.

Еще одним моим братом был Мухаммад, особенно близкий к отцу. Он любил сидеть со взрослыми и слушать их разговоры, а затем в компании братьев комментировать услышанное. Мухаммад был вспыльчивым, но добросердечным юношей, настойчиво требовавшим от мира исполнения своих надежд. Став взрослым, он воплотил многие свои замыслы в общественной деятельности и личных делах. В частности, он усердно трудился на благо общества «Аль-Макасид»⁴, которым руководил

- 2 Американский университет в Бейруте – старейший университет современного арабского мира, основанный американскими миссионерами как Сирийский протестантский колледж в 1866 году. В этом заведении учились многие видные деятели политики и культуры арабского мира XX века. См.: ANDERSON B.S. *The American University of Beirut: Arab Nationalism and Liberal Education*. Austin: University of Texas Press, 2011.
- 3 Арабский конгресс 1913 года, прошедший во Франции, считается одним из ключевых событий в развитии арабского национализма. Изначально арабские националисты не стремились к выходу из Османской империи, рассчитывая ограничиться расширением политических и гражданских прав арабских граждан в ее рамках. Позже, однако, репрессии османского правительства и разорение арабских земель в годы Первой мировой войны привели к радикализации движения. См.: TAUBER E. *The Emergence of the Arab Movements*. London: Routledge, 1993. P. 90–97.
- 4 Речь идет об Обществе исламских благотворительных намерений – благотворительной организации, учрежденной влиятельными суннитскими семьями Бейрута в 1874 году. Одной из ее целей было распространение современного школьного образования среди мусульман. Семейство аль-Салам играло важную роль в управлении обществом вплоть до 1990-х.

в конце жизни. Он любил знания и охотно воспринимал новое. Пытливость ума сочеталась у него со склонностью к лидерству и навязыванию своей власти. Вместе с тем Мухаммад всегда оставался благородным человеком, готовым помочь любому. Мать много претерпела, воспитывая этого мальчика, потому что он был упрямым и непослушным.

С теми же проблемами, но в гораздо больших масштабах, мать столкнулась при воспитании моего брата Омара, который рос крайне неугомонным и которого прозвали за это «шайтаном аль-Мусейтбе»⁵. Этого мальчика не волновали опасности, ему был неведом страх. Он поднимался на террасу и ползал вдоль парапета с внешней стороны; стоило соседям увидеть, какому риску он себя подвергает, как они в ужасе бросались в наш дом, чтобы предупредить о происходящем. Его выходки обернулись тем, что он стал единственным из братьев, кого отправили в школу-интернат – где, кстати, он довольно успешно учился. Когда этот активный ребенок стал взрослым, ничто не могло затмить в его глазах любимое занятие – охоту, в которой он достиг совершенства. [...]

Итак, я описала своих братьев, но ничего не сказала о сестрах. Я не забыла о них; дело просто в том, что мужчины в нашей семье преобладали – как по числу, так и по влиянию. Дочерей было три, а сыновей девять⁶. Старшей моей сестрой была Фатима. Она рано – в пятнадцать лет – покинула отчий дом, переехав к мужу. Спокойная и добрая, она любила всех нас, всегда старалась помогать матери по дому, а карманные деньги тратила на сладости, которые раздавала братьям. Ей не довелось наслаждаться беспечностью детства: в тринадцать лет она вела себя так, как будто ей уже все двадцать. Думаю, из-за того, что мать остро нуждалась в ней, Фатима брала на себя слишком большую ответственность и помогала по хозяйству не по годам. Когда она уехала, все мы, и в особенности мама, ощутили пустоту в доме.

Последний член семьи – Раша, младшая из нас. Она была моложе меня на много лет: сыновья наших братьев были ее сверстниками, и все мы охотно ухаживали за ней, особенно Саиб и я. Дошло до того, что, когда я собиралась ехать в Лондон учиться, а ей исполнилось тринадцать, ко мне подошла мать, которой было уже за пятьдесят, и сказала: «Может, ты возьмешь Рашу с собой или вообще останешься тут? Она ведь умрет без тебя». Так я взяла сестренку [в Европу], причем за те два года, что мы провели за границей, меня это ничуть не утруждало – напротив, на чуж-

5 Аль-Мусейтбе – район Бейрута, где находился дом семьи аль-Салам.

6 У писательницы были еще несколько братьев: Мусбах, Саиб, Абдулла, Фуад и Малик. В 1950–1970-е Саиб аль-Салам (1905–2000) был одним из самых влиятельных ливанских политиков. В частности, он неоднократно занимал пост премьер-министра, самый высокий пост, доступный мусульманину-сунниту в ливанской политической системе.

бине она стала моим величайшим утешением. Раша была очень пронциательна, деятельна и независима, выделялась яркой восточной внешностью. Все это привело к тому, что во время нашего пребывания в Англии она оставалась в центре всеобщего внимания, а мужчины – и молодые, и постарше – конкурировали за ее дружбу. Потом она поступила в университет, а после свадьбы всецело посвятила себя служению палестинскому делу.

За этой большой семьей со всеми ее причудами неутомимо ухаживала мать, ради нее без усталы трудился отец. Я до сих пор чувствую восхитительный запах, разносившийся по дому вечерами, когда мы садились за стол. Мое воображение рисует прекрасную картину: родители и множество детей собираются за общим столом, делят еду, иногда беседуют – в основном спокойно, но порой и громко споря друг с другом. Но чаще всего, однако, на таких ужинах по просторной столовой разносился радостный смех.

Это зарисовку из семейного быта я решила сделать введением к своим размышлениям, поскольку, как уже говорила, моя семья была образцовой. Я помню, как мы жили в аль-Мусейтбе, одном из районов старого Бейрута. Окрестности напоминали деревню с самобытным населением и даже особым говором. Надо сказать, что у каждого бейрутского района имелся характерный говор, по которому всегда можно было понять, откуда тот или иной человек – из аль-Мусейтбе, Рас Бейрут или аль-Баста⁷. Большинство жителей нашего района принадлежали к одной из нескольких семей, связанных узами родства. Многие местные жили за счет перевозки камней и песка, которые грузились на мулов и ослов и доставлялись на городские стройки. Дороги [в аль-Мусейтбе] были песчаными и узкими; по краям росли невысокие кактусы и стояли полуразвалившиеся каменные стены.

С крыши нашего дома открывался прекрасный вид на город, а на горизонте можно было даже разглядеть [Средиземное] море. На востоке вдаль растянулись [Ливанские] горы. Днем ничто не мешало видеть их зеленые склоны, ночью – огни горных деревень, а зимой – заснеженные вершины. Мой дедушка построил этот дом в итальянско-французском стиле, и, как и во многих зданиях старого Бейрута, в нем были высокие потолки с барельефами из гипса по краям. Холлы были украшены мраморными колоннами. Значительную часть дома занимали помещения, предназначенные для приема гостей; из-за них в ходе строительства пришлось сократить количество спален. [...]

7 Рас Бейрут – район в северо-западной части города, важный культурный центр, который пересекает улица Хамра, известная своими кафе и книжными лавками; именно в этом районе располагается кампус Американского университета. Аль-Баста – район, расположенный восточнее аль-Мусейтбе; в середине XX века большинство здешнего населения составляли небогатые мусульмане-сунниты.

Что касается наших отношений с соседями, то мы знали их всех, как и они знали нас поименно. Хотя мой дед, построивший дом, не был здешним уроженцем, а переехал сюда, между нами и местными установились вполне дружеские отношения, которые оставались хорошими даже после того, как дом перешел от деда к моему отцу. В свою очередь отец ввел в наш быт новый обычай: когда наступал Рамадан, он поочередно приглашал жителей аль-Мусейтбе на ифтар⁸. Впрочем, подобно тому, как многоэтажные здания преображали виды, открывающиеся из наших окон, так же менялись и лица окружающих людей, среди которых становилось все больше приезжих. На улицах теперь звучали иные разговоры; со временем дошло до того, что мы искренне радовались, приветствуя на улице кого-то из коренных жителей.

ПОЕЗДКА В КАИР

Приезжая в Каир, мы жили в меблированной квартире на улице Каср ан-Нил, которую сдавали эксклюзивно для нас. Мы предпочитали съемное жилье потому, что моей матери было неудобно жить в отеле: ведь она постоянно носила хиджаб. Меня поражало все, что я видела на широких и благоустроенных улицах: огромные и просторные магазины, великолепные здания, цветущие сады и парки, театры с отдельными местами для женщин, которых ширмы скрывали от посторонних взоров. Кстати, нас восхищал внешний вид египтянок; мне казалось, что они гораздо более эмансипированы, чем мы. По крайней мере хиджаб не скрывал их глаза – в отличие от глаз наших женщин, которые не видели белого света за черной накидкой.

Автомобили в Каире были повсюду. Наряду с гигантскими монументами древности, восхищающими туристов, в египетской столице было много новых памятников. Например, в день нашего приезда здесь состоялось открытие памятника Мустафе Камиллю⁹: мы видели собравшуюся ради торжественной церемонии огромную толпу. Каждый день мы ходили по музеям, выставкам, паркам, ездили к пирамидам и плавали по Нилу, а мать с сестрой к тому же проводили время в больших универмагах, покупая там красивые ткани и выбирая подарки; кроме того, там продавали новейшие товары западного производства, каких было не достать в Бейруте. По этой причине для женщин, ходящих с покрытой головой, визит в Каир был

8 Ифтар – разговение, вкушение пищи после захода солнца в священный месяц Рамадан. Пост в Рамадан является одним из пяти столпов ислама.

9 Мустафа Камиль (1874–1908) – лидер антиколониальной оппозиции, требовавший независимости и вывода британских войск из Египта.

чем-то вроде поездки в Париж или Лондон. Моей же великой радостью в этом путешествии стали походы по книжным магазинам и приобретение тех книг по истории и культуре, которые я давно хотела иметь: например, мне удалось купить все сочинения Джурджи Зейдана¹⁰. Кроме того, я чувствовала, как Каир эмансипирует меня – именно там я в первый раз в жизни сходила в кино.

Однако путешествие не обошлось и без неприятностей. Хозяин дома, который мы снимали – грек-стоматолог, – украл драгоценности матери и сестры и сбежал. Правоохранительные органы взялись за дело со всей серьезностью; иначе и быть не могло, поскольку сам хедив Аббас¹¹ потребовал от полиции расследовать преступление так, как если бы обокрали его самого – по его словам, происшествие очень повредило репутации Египта в глазах туристов. Не прошло и нескольких дней, как вор и его сообщники были арестованы, и нам вернули почти все похищенное. [...]

Я вновь посетила Каир в 1920 году. На этот раз я остановилась у тети, с чьей дочерью меня до сих пор связывает крепкая дружба. Два месяца провела я между Каиром, Александрией и [городом] Эз-Заказик. Важной вехой этого визита стало то, что мне посчастливилось присутствовать в Египетском университете на мероприятии, где чествовался Касем Амин¹². На этого человека мы смотрели как на провозвестника движения за права женщин в арабском мире. Именно там я впервые увидела Худу Шаарави¹³; она общалась с пришедшими на встречу гостями в специально отгороженном месте, отделявшем женщин от прочих присутствующих. Чествование смелого реформатора произвело на меня сильное впечатление, поскольку я давно восхищалась этим человеком и очень уважала его. Я даже написала статью о событии, которая была опубликована на следующий день в газете «Аль-Мукаттам»¹⁴. В тексте я

- 10** Джурджи Зейдан (1861–1914) – видный деятель арабского просвещения, журналист, издатель, историк и лингвист. Его исторические романы способствовали популяризации арабской истории и формированию арабского национализма. См.: PHILIPP T. *Jurji Zaidan and the Foundations of Arab Nationalism*. Syracuse: Syracuse University Press, 2014.
- 11** Хедив Аббас II (1874–1944) – правитель Египта в 1892–1914 годах. Хотя до Первой мировой войны Египет формально оставался частью Османской империи, с 1882 года он контролировался Великобританией, а в 1914-м формально стал британским протекторатом.
- 12** Касем Амин (1865–1908) – египетский юрист, автор книги «Новая женщина» (1899), в которой он одним из первых обратился к проблеме статуса женщин в арабских странах. Он считал, что женщины должны получать хотя бы начальное образование, утверждал, что ислам не требует непременно скрывать лицо, критиковал полигамию, а также чрезмерную изоляцию женщин от общества. См.: HOURANI A. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1797–1939*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 164–169.
- 13** Худа Шаарави (1879–1947) – египетская феминистка и антиколониальная активистка, основательница Египетского женского союза. См.: SHARAWI LANFRANCHI S. *Casting off the Veil: The Life of Huda Shaarawi, Egypt's First Feminist*. London: I. B. Tauris, 2014.
- 14** «Аль-Мукаттам» – ежедневная общественно-политическая газета, которая выходила в Каире в 1889–1952 годах.

КЛУБ МОЛОДЫХ МУСУЛЬМАНОК И АХМАД МУХТАР БАЙХУМ¹⁵

Спустя некоторое время, в 1917 году, губернатор [вилаята Бейрут] пригласил нас на встречу, на которой сообщил, что подумывает заняться социальной работой в поддержку мусульманских девушек и хочет основать женский клуб, в котором они смогли бы регулярно встречаться. Предполагалось, что новая организация займется сугубо общественно значимыми вопросами: в ее стенах будут проходить встречи, посвященные литературе и искусству, а также иные подобные мероприятия. Членство в клубе будет предполагать статус основательниц и участниц.

У клуба были шесть основательниц: Амина аль-Хамзави, Ибтихадж Каддура¹⁶, Адиля Байхум аль-Джазаири¹⁷, Вадад Мехмесани, Вахида аль-Халиди и я. Мы принимали девушек из всех семей Бейрута. Организация расположилась в доме Бишары аль-Хури¹⁸, за Патриаршей школой. [...] Мы увлеченно взялись за дело: только-только расставив мебель, незамедлительно перешли к обсуждению многочисленных оргвопросов: кто будет преподавать желающим [литературный] арабский, кто будет учить французскому, кто возьмется за курсы игры на фортепьяно. Открытие клуба состоялось 23 июля 1917 года. Каждый месяц мы проводили встречи, на которых выступали то врач, то поэт, то какая-нибудь видная общественница. Порой затра-

- 15** Ахмад Мухтар Байхум (ок. 1878–1920) – ливанский предприниматель и общественный деятель, выходец из влиятельной семьи торговцев из Бейрута. Члены семейства заседали в муниципальном совете города с момента основания этого органа в ходе османских реформ XIX века, а отец Ахмада Мухтара, Хусейн, был депутатом первого османского парламента, созванного в 1877 году. Сам Ахмад Мухтар Байхум возглавлял муниципалитет Бейрута (был отстранен в 1915-м), являлся членом Бейрутского реформистского общества, входил в руководство Общества исламских благотворительных намерений («Аль-Макасид»). В 1918 году Байхум, как и Салим аль-Салам, отец Анбары Салам Халиди, поддержал создание независимого арабского государства в Леванте. См.: SCHULZE TANIELIAN M. *Feeding The City: The Beirut Municipality and the Politics of Food during World War I* // International Journal of Middle East Studies. 2014. № 46. P. 737–758; JOHNSON M. *Factional Politics in Lebanon: The Case of the Islamic Society of Benevolent Intentions (al-Maqāsīd) in Beirut* // Middle East Studies. 1978. Vol. 14. № 1. P. 56–75.
- 16** Ибтихадж Каддура (1893–1967) – ливанская феминистка, председательница Арабского женского союза в 1949–1957-м и 1962–1967 годах. На этом посту Каддура сменила египетскую феминистку Худу Шаарави.
- 17** Адиля Байхум аль-Джазаири (1900–1975) – ливанская и сирийская феминистка. Основала Сирийский женский союз, который возглавляла с 1927-го по 1967 год; требовала предоставить женщинам право голосовать и занимать политические посты. В январе 1945-го стала организатором крупнейшей протестной акции женщин, в ходе которой более пятисот активисток потребовали от Франции предоставить Ливану независимость. См.: MOUBAYED S. *Steel & Silk: Men and Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune, 2006.
- 18** Бишара аль-Хури (1890–1964) – первый президент независимого Ливана, занимавший пост в 1943–1952 годах.

гивались социальные проблемы, а иногда трибуна предоставлялась богослову. На встречи приглашались и женщины, и мужчины; мы собирались в одном помещении, но садились по рознь – нас разделял проход.

Деятельность клуба сталкивалась с трудностями. Против него выдвигались оскорбительные обвинения – и это при том, что участницы неизменно носили хиджаб. Ходили нехорошие слухи о том, что якобы происходит в наших стенах; говорили, например, будто бы в клубе постоянно устраиваются танцы, где мужчины и женщины танцуют парами. На деле же клуб всегда работал как настоящий литературный и социальный салон: довольно скоро в Бейруте не осталось ни одного видного ученого, литератора или врача, которого мы не пригласили бы к себе. При клубе также открылась школа для детей из благородных семей, которые не могли получать обычное школьное образование из-за несчастий, связанных с войной. [...]

Поскольку клуб был основан в то время, когда еще шла [Первая мировая] война, мы принимали также турецких чиновников, военных и даже членов правящей династии. С заключением перемирия жизнь изменилась: к нам теперь приходили английский и французский военные коменданты, принц Фейсал, великий военачальник Рида-паша ар-Рикаби и другие деятели Арабского восстания¹⁹, недавно избавившие нас от бесконечного кровопролития. Нашими гостями также становились ученые и литераторы из арабского мира (и не только), которые посещали Бейрут.

К сожалению, вскоре после завершения войны наши средства иссякли. Дело в том, что в 1920 году скончался Ахмад Мухтар Байхум – наш главный покровитель, к которому мы обращались в трудную минуту и который всегда помогал нам преодолевать сложности. В журнале, выпуск которого мы приурочили к открытию клуба, он написал: «Вперед! Вперед! Не придавайте значения толкам людей недостойных!» Его смерть стала величайшим ударом для движения [за права] женщин. Она потрясла Бейрут и арабский мир: ведь этот человек скончался на пике политической и социальной деятельности – ему еще не исполнилось 42 лет. Знатнейшие семьи Бейрута организовали большую церемонию прощания, на которую пригласили поэтов и писателей. [...] Мне предложили выступить на этой церемонии от имени арабских девушек. Вместе с другими ораторами я, в хиджабе, сидела рядом с кафедрой, с которой произносились речи. Тем не менее каких только упреков мы

19 Речь идет о восстании против Османской империи, которое в 1916 году при поддержке Великобритании поднял шериф Мекки Хусейн. Позже повстанцы вступили в союз с националистическим движением «Аль-Фатат». Фейсал, сын Хусейна, пытался учредить в Леванте арабскую конституционную монархию, однако в 1920 году был изгнан из Дамаска французами; позже он стал королем Ирака.

ни наслушались от критиков, апеллирующих к религии и морали! Один из наших недругов в присутствии свидетелей осмелился даже заявить следующее: «Какой позор! Как только ее отец принимает то, что его дочь выступает перед толпой мужчин? [...] Клянусь Аллахом, мне хочется пристрелить эту женщину и избавиться от нее этот мир!» Злобные нападки настигали нас повсюду.

Вскоре после этих событий мы вынуждены были закрыть школу, а потом и сам клуб. Три года он жил в наших душах ростком, который мы поливали горечью и болью наших сердец; три года посвящали мы ему все свои надежды, мечты и усилия. Полагаю, это был первый женский клуб в арабских странах.

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

В 1920-е движение за права женщин оформилось в обособленное социальное явление, и в Ливане расцвели женские общества. Хотя, как я уже упоминала, некоторые из них появились еще в начале столетия, в новый период подобные организации распространились не только по всем городам, но и по многим деревням. Множились и их цели, хотя в основном они занимались благотворительностью. Довольно скоро их активистки пришли к выводу, что им нужно наладить контакты между собой, познакомиться и обмениваться мнениями на регулярной основе. Это вылилось в формирование Женского союза, в который вступили все женские общества Ливана; через несколько лет в нем насчитывалось около сотни таких коллективных членов. [...] Затем начинание трансформировалось в Арабский женский союз; на этот раз к организации присоединились женские группы из всех стран арабского мира, от [Атлантического] океана до [Персидского] залива. Таким образом, арабские женщины [в своем интеграционном порыве] опередили арабские государства, которые впоследствии, в 1945 году, основали Лигу арабских государств.

Первой председательницей Союза стала Худа Шаарави, основоположница феминистского движения в Египте; ее преемницами на этом посту стали Ибтихадж Каддура и Адиля Байхум аль-Джазаири. Союз регулярно проводил конференции в арабских столицах и принимал постановления, которые направлялись арабским правительствам. Усилиями женского активизма в практику вошло правило, согласно которому в брак можно было вступать, достигнув 16-летия, а женихов и невест обязали проходить медицинское обследование за год до свадьбы. Кроме того, условия развода в арабском мире удалось сделать

более выгодными для женщин. После решения этих вопросов наступил черед борьбы за избирательные права, и здесь дошло до того, что в некоторых арабских странах – например, Египте и Сирии – женщинам вскоре разрешили заседать в парламенте и даже работать в правительстве.

В 1920-е неожиданно наметился прогресс в вопросе о ношении хиджаба. В Бейруте вышла книга Назиры Зейн ад-Дин под названием «Раскрытие и покрытие» (1928), которая исследовала религиозные и прочие источники, касавшиеся этого обычая²⁰. Публикация стала сенсацией, спровоцировав ожесточенную общественную дискуссию – в основном среди людей пишущих. Большинство высказывавшихся чопорно требовали восстановить былую строгость в одеянии, награждая нас всеми мыслимыми эпитетами, описывающими аморальное поведение. Нападки особенно обострились после того, как я, насколько помню, тоже выступила с публичной лекцией – без хиджаба. Впрочем, все это противодействие уже не могло остановить движение вперед и изменить положение вещей.

Сначала обо всем этом лишь перешептывались. Но потом тему подхватили газеты и журналы, в которых высказывались представители обоих полов, ее стали обсуждать в салонах и клубах. Дошло до того, что некоторые журналы стали просить лидеров общественного мнения специально высказываться по упомянутым вопросам. Когда разразилась мировая война, участники дискуссии жестко разделились на два лагеря. Сторонники первого предлагали позволить женщинам не носить хиджаб и считали сокрытие женских лиц признаком национальной отсталости. Приверженцы второго лагеря со страхом предостерегали от подобного шага, считая хиджаб хранителем женственности и семьи. Некоторые наидостойнейшие авторы публично заявляли даже о том, что если женщина снимет хиджаб, то она незамедлительно прекратит выполнять свои супружеские обязанности и откажется от подчинения мужу. Подобные обсуждения в ту пору велись во всех арабских странах. [...]

ЖЕНСКИЕ КОНГРЕССЫ

История женских конгрессов [в арабском мире] начинается с Первой женской конференции, которая состоялась 18–20 ап-

20 Назира Зейн ад-Дин (1908–1976) – ливанская феминистка, принадлежала к конфессиональной общине друзов. Ее отец, работавший в османской судебной системе, обучил свою дочь исламскому богословию и исламскому праву, хотя формальное образование девушка получила в ливанских католических школах. Ее аргументация против обязательного ношения хиджаба и за равенство женщин и мужчин строилась на интерпретации Корана и исламских законов. См.: COOKE M. *Nazira Zeineddine: A Pioneer of Islamic Feminism*. Oxford: Oneworld, 2010.

реля 1928 года по инициативе Женского союза. На нее были приглашены делегации от всех женских обществ из всех концов Ливана и Сирии. По всеобщему признанию, такие съезды прекрасно способствовали просвещению и образованию. Каждой выступающей поручалось представить какую-то определенную тему; за презентацией следовали обсуждения и советы. Это происходило в спокойной и серьезной атмосфере, без отступлений в сторону, сумбура и сумятицы. Все, чего мы добивались, – это права для женщин, и на пути к нашей цели мы использовали разумные и эволюционные методы, не призывая к революции. Не ограничиваясь женской проблематикой, мы также обсуждали вопросы, связанные с общим развитием наших стран. Мы выясняли, как лучше воспитывать и обучать детей, как поддерживать отечественных производителей, как прививать любовь к арабскому языку и желание именно на нем выражать свои чувства и мысли вместо того, чтобы использовать иностранные заимствования²¹. [...]

Вторая конференции прошла в Бейруте в 1930 году; в ней снова участвовали делегации из всех арабских стран. [...] Женские конгрессы продолжались и позже. Так, в 1935-м прошел съезд в Каире, куда в качестве представительницы Египетского женского союза была приглашена уважаемая Худа Шаарави. Ее выступление было сосредоточено на палестинском вопросе. Конференция получила мощную поддержку со стороны как официальных, так и частных лиц. В 1958 году состоялся конгресс в Дамаске, на открытии которого выступил президент [сирийской] республики Шукри аль-Куватли. Таким образом, женские конференции стали привлекать внимание и правящих кругов, и широкой публики. Со временем арабские женские объединения стали получать приглашения на женские конгрессы, проводимые в иных регионах мира.

ПАЛЕСТИНА – МОЯ РОДИНА

17 августа 1929 года [мой муж] Ахмад²² приехал в Бейрут и без лишних церемоний сразу же пригласил меня в путешествие по Ливану – как мы и договаривались прежде. Спустя две недели мы вернулись в ливанскую столицу и стали готовиться к переезду в Палестину, предстоявшему нам через несколько дней.

21 Автор имеет в виду литературный арабский язык (араб. – *аль-фусха*, англ. – Modern Standard Arabic). В повседневной жизни арабы разговаривают не на нем, а на местных диалектах и различных смесях диалекта и литературного языка.

22 9 августа 1929 года Анбара Салам Халиди вышла замуж за палестинского просветителя Ахмада Самеха аль-Халиди (1896–1951), который был одним из пионеров современного арабского образования в Палестине. В частности, аль-Халиди возглавлял Арабский колледж в Иерусалиме, который готовил школьных учителей, а также переводил на арабский педагогическую литературу.

[По прибытии на место] первым делом мы направились в дом отца Ахмада, расположенный в Яффо, чтобы познакомиться с родственниками. Они приняли меня с теплотой и любовью, как если бы я родилась в их семье. Передо мной словно открылась дверь в будущее в новой для меня стране: оно обещало быть светлым и счастливым.

Вскоре я впервые ступила на землю Иерусалима; мы намеревались поселиться там на всю оставшуюся жизнь. Чистый иерусалимский воздух, красивые дома и ухоженные улицы города произвели на меня сильное впечатление. Все это разительно и к лучшему отличалось от того, к чему я привыкла в Бейруте – при всей моей любви и привязанности к родному городу. Конечно, временами я скучала по трем десятилетиям жизни, которые прошли там, но довольно быстро мне удалось найти дорогих друзей среди членов моей новой семьи и жителей Иерусалима – и всю тоску как рукой сняло. Иерусалимские женщины отличались острым умом, широкой культурой и горячими чувствами, оставаясь при этом весьма консервативными по своим взглядам и убеждениям. Умеренность и сдержанность, принятые в местном обществе, импонировали моему характеру, обуздывая мои революционные порывы, касавшиеся всех сфер жизни. Однако эта социальная уравновешенность палестинских женщин контрастировала с их страстными патристическими чувствами.

Я присутствовала на первой встрече [палестинских] женщин, посвященной национальному вопросу. Она проходила в октябре 1929 года и собрала делегации из всех палестинских городов. Председательствовала на мероприятии супруга [Мусы] Казима-паши аль-Хусейни²³. Эта женщина отличалась смелостью суждений, а также тем, что высказывала их без обиняков. Если она бралась критиковать кого-то, то говорила с крайней прямоотой и отбросив всякие любезности. Эта ее черта была хорошо известна, и горе тому, кто становился объектом ее критики. Среди прочего она славилась еще и тем, что не придавала особого значения изяществу своих нарядов, даже если шла на официальный прием: она будто бы не сомневалась, что ее достоинство и так всегда будет при ней – куда бы она ни направлялась. С первых моих дней в Иерусалиме я любила и уважала ее, а она отвечала мне заботой и поддержкой. Ее слово имело немалый вес для всех чиновников, от высших должностных лиц вроде [британского] Верховного комиссара до самого мелкого клерка: ее телефонного звонка было достаточно, чтобы решить любую проблему.

23 Муса Казим аль-Хусейни (1853–1934) – палестинский политик, выходец из влиятельной иерусалимской семьи, один из лидеров антиколониальной оппозиции в период британского мандата. В 1918–1920 годах возглавлял муниципалитет Иерусалима.

Собрание наше проходило в доме госпожи Тараб [Абд аль-Хади], супруги Ауни Абд аль-Хади²⁴. Она была одной из самых образованных и передовых дам Палестины. На той конференции выступили многие женщины. Мне тоже было предложено выступить с речью; так я впервые приняла участие в делах своей новой родины. Наша встреча отличалась полнейшим единодушием, с которым принимались решения; поразительной открытостью, с которой проходили выборы в верховный комитет палестинских женщин, а также горячей солидарностью с мужчинами в их патриотической политике. Сама я отказалась от членства в комитете, поскольку находилась в стране совсем недолго и еще не освоилась в полной мере; кроме того, [нашу] семью там уже представляла моя золовка и подруга Вахида аль-Халиди, которую избрали заместительницей председательницы.

Участницы конференции решили выйти на протестный марш; было решено, что его целью станет резиденция британского Верховного комиссара, которому мы вручим меморандум, принятый на нашем форуме. В документе говорилось о наших опасениях по поводу нарастающей еврейской иммиграции [в Палестину], о пристрастном отношении мандатных властей к сионизму, о пренебрежении правами арабов на их собственной земле, о других подобных вещах. Водрузив над колонной несколько транспарантов, объяснявших цели манифестации, мы прошли по улицам города. Пять наших делегатов отправились на встречу с комиссаром; чиновник принял их со всем радушием. [...] После этого события избранному нами комитету было поручено координировать усилия с исполнительным комитетом, который ранее был сформирован мужчинами-националистами. Власти признали новый орган; он стал называться Исполнительным комитетом арабских женщин. Структура приступила к работе, которая выражалась в многочисленных начинаниях: ею заявлялись протесты, защищались права, организовывались демонстрации. [...] Мы также официально решили – и подкрепили свое решение великой клятвой – полностью бойкотировать еврейские магазины.

ОТЪЕЗД

Когда беспорядки усилились, на нас постоянно стали нападать евреи, а на улицах появились блокпосты английской армии. На-

24 Тараб Абд аль-Хади (1910–1976) – палестинская феминистка-мусульманка, одна из основательниц Палестинского арабского женского союза. После арабо-израильской войны 1948–1949 годов и основания Государства Израиль Тараб Абд аль-Хади уехала в Каир, где и скончалась в изгнании. Ее супруг Ауни Абд аль-Хади (1889–1970) – палестинский политик, выпускник Сорбонны, один из основателей националистической организации «Аль-Фатат» и палестинской Арабской партии независимости, учрежденной в 1932 году. В годы британского правления был одним из лидеров движения за независимость.

пряженность между нами и нашими соседями из сельскохозяйственного института для еврейских девушек, который возглавляла госпожа Бен Цви²⁵ – ее супруг позже стал президентом Израиля, – достигло крайней точки. От института нас отделяла лишь проволочная ограда. Каждую ночь его охранники стреляли по нам, а наши охранники отвечали им тем же. Нормально спать было невозможно, наши дети, которым приходилось добираться до школ в бронированных автомобилях, жили в постоянном страхе. Возвращаясь после учебы, они с ужасом рассказывали о происшествиях, которые видели по пути.

Перестрелки между еврейскими поселениями и арабскими деревнями, расположенными неподалеку от нашего жилища при Арабском колледже, не прекращались ни днем ни ночью. Начались взаимные убийства: если убивали еврейского врача, не успевали пройти несколько дней или даже часов, как убивали врача-араба; если нападали на профессора с одной стороны, то вскоре стреляли в профессора, принадлежащего к другой стороне. Когда по неотложной причине требовалось выйти из дома, мы покидали его и возвращались ползком через сад, опасаясь обстрелов со стороны наших соседей. [...]

Вскоре стало понятно, что у нас нет иного выхода, кроме отъезда – временного, как мы тогда полагали. Когда мы решились на это и пришла пора уезжать, сердца наши сжались, а нервы были на пределе. Как только машина, которой предстояло вывезти нас в Бейрут, подъехала к воротам, глаза мои наполнились слезами. Я принялась ходить по комнатам, кухне, саду, словно обещая своему дому вернуться в самом скором будущем.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

25 Имеется в виду Рахель Янаит Бен Цви (1886–1979), супруга второго президента Израиля Ицхака Бен Цви (1884–1963), исполнявшего свои обязанности в 1952–1963 годах.

